

НАСЛЕДИЕ

УДК 94(093)

DOI: 10.22378/kio.2025.1.185-207

**Крымское ханство и Польша-Литва.
Международная дипломатия на европейской
периферии (XV–XVIII века).
Исследование мирных договоров
с последующими аннотированными
документами. Османская империя
и ее наследие (2)***

Дариуш Колодзейчик

Аннотация. Данная работа является переводом с английского главы 4 «Польские и литовские документы мира (мирные грамоты), адресованные ханам» части 2 книги *«Крымское ханство и Польша-Литва. Международная дипломатия на европейской периферии (XV–XVIII века). Исследование мирных договоров с последующими аннотированными документами. Османская империя и ее наследие»* (стр. 425–443) – результата многолетних исследований известного историка, директора Института истории Варшавского университета, профессора Института истории Польской Академии наук Дариуша Колодзейчика, который изучал историю дипломатических отношений Крымского ханства и Речи Посполитой XV–XVIII вв. Книга содержит много интересных фактов, анализ документов, осве-

* Продолжение. Начало см.: Колодзейчик Д. Крымское ханство и Польша-Литва. Международная дипломатия на европейской периферии (XV–XVIII века). Исследование мирных договоров с последующими аннотированными документами. Османская империя и ее наследие / Пер. с англ. Сейтхалиловой Л., Алиевой А. // Крымское историческое обозрение. 2024. Т. 11, № 2. С. 168–213. DOI: 10.22378/kio.2024.2.168-213

щающих разные аспекты этого сложного и противоречивого сотрудничества. В главе 4 «Польские и литовские документы мира (мирные грамоты), адресованные ханам» автор анализирует форму, содержание и значение документов, которые Польша–Литва отправляла крымским ханам в качестве подтверждения мирных отношений. Автор наглядно демонстрирует, каким образом эти документы отражали разные стадии исторического развития обеих сторон, а также их влияние на взаимное восприятие и уважение. Рассматриваются различные типы документов: письма, верительные грамоты, договоры, соглашения, привилегии и дарственные грамоты. Одновременно внимание уделяется визуальным аспектам документов: язык, почерк, печати, подписи и орнаменты. Представленные документы отражали сложные отношения между двумя государствами, строившиеся на взаимной зависимости, конфликтах и сотрудничестве. Колодзейчик также исследует адаптацию польско-литовской стороной своей дипломатии к традициям и требованиям Крымского ханства, а также восприятие и интерпретация крымскими ханами этих документов.

Ключевые слова: Крымское ханство, Польша–Литва, крымская и королевская канцелярии, документы мира, дипломатия, переводы.

Для цитирования: Колодзейчик Д. Крымское ханство и Польша–Литва. Международная дипломатия на европейской периферии (XV–XVIII века). Исследование мирных договоров с последующими аннотированными документами. Османская империя и ее наследие (2) / Пер. с англ. Сейтхалиловой Л., Алиевой А. // Крымское историческое обозрение. 2025. Т. 12, № 1. С. 185–207. DOI: 10.22378/kio.2025.1.185-207

ЧАСТЬ 2

ИССЛЕДОВАНИЕ КРЫМСКОЙ И ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОЙ ДИПЛОМАТИИ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ

Глава четвертая

Польские и литовские документы мира (мирные грамоты), адресованные ханам

Ни один из польско-литовских документов, публикуемых в этой книге, не был взят из ханских архивов, огромная часть которых погибла во время большого пожара в Бахчисарае, вызванного вторжением русской армии в 1736 году. Таким образом, выводы можно делать только основываясь на копиях, выполненных до отправки подлинников документов. Тот факт, что эти документы сохранились только в копиях, не позволяет делать на их основе обширных выводов об уровне развития как литовской, так и польской канцелярий. Более того, многочисленные оригиналы документов, изданных Ягеллонами (Jagiellonians) и их преемниками, хранятся в различных евро-

пейских архивах, в связи с чем польские и литовские канцелярии уже изучены многими учеными, причем более тщательно, чем крымская канцелярия. Поэтому выводы, представленные в следующем разделе, поверхностны и сосредоточены на отношениях Вильнюса, Кракова и Варшавы с Крымом.

Уничтожение ханских архивов отчасти объясняет тот факт, почему литовских и польских документов в настоящем издании гораздо больше, чем крымских документов. Однако были и другие причины. Некоторые крымские документы, например «дарственные ярлыки», были односторонними (*ex definitio – no определению*), поэтому от получателя не ожидалось, что он ответит тем же и напишет на них ответ. Мы также знаем, что в некоторых случаях королевская сторона не отвечала на документы ханов из-за раздраженности, вызванной постоянными татарскими набегами, либо из-за агрессивной войны с Крымом, как это было в 1527 и 1646 годах.

Наконец, иногда имели место случаи, когда ханы посылали торжественные документы, классифицируемые как официальные документы о мире, королевская сторона отвечала на них обычными письмами, в которых подчеркивала свои мирные намерения, но эти документы не могут быть отнесены к документам мира (как, например документы 1742 г.)¹.

Последней причиной дисбаланса в количестве сохранившихся польско-литовских документов, по сравнению с крымскими документами, было настойчивое требование королевской стороны, чтобы ханский документ в точности соответствовал желаемому для них образцу. Аналогично практике, известной в Москве, канцелярии в Вильнюсе и Кракове/Варшаве иногда брали инициативу в свои руки и составляли готовые формулы будущих документов, которые, как ожидалось, должны были быть изданы ханами с точностью слово в слово. Несмотря на то, что в этих формулах упоминался пророк Мухаммед, а их форма обычно основывалась на предыдущих подлинных документах ханов, крымская канцелярия, как правило, отказывалась следовать слово в слово королевским инструкциям. В результате, татарские документы иногда отсылались обратно в Крым для «исправления либо королевская сторона принимала уже привезенный документ, но тут же просила хана издать новый, «улучшенный» вариант. Что касается татар, то их в меньшей степени беспокоили подробности (детали) в формулировках полученных документов; по крайней мере, известно, что они не издавали документы с предлагаемыми готовыми формулировками, присыла-

¹ Были, возможно, и противоположные ситуации; например, в 1472 году Казимир выдал официальный документ мира в ответ на письмо Менгли Герая, которое было гораздо менее формальным; еще возможно, что оригинальное письмо хана, называемое *письмо с моей печатью* (*cum sigillo teo litera*), было изначально длиннее и более формальное, чем его сохранившаяся латинская копия, хранящаяся в книгах Коронного реестра и опубликованная Пуласки (см. прим. 53 в части I).

мые царями и королями, и временами уже полученные документы отсылались обратно.

Приведем один пример: с перемирием 1513–1514 годов связаны два документа, изданные Сигизмундом, причем один от имени Литвы и Польши, и целых четыре документа, изданные Менгли Гераем, два из которых – последовавшие один за другим «дарственные ярлыки» для Литвы и два других документа, последовавших один за другим для Польши.

Королевские документы

Выше подчеркивалось, что в первое столетие своего существования Крымское ханство граничило с Литвой, а не с Польшей, и его отношения с Вильнюсом были гораздо более близкими, чем с Краковом. Следовательно, это может показаться совершенно неожиданным, но самый ранний из сохранившихся документов мира, отправленный ягеллонским правителем в Крым, был составлен в 1472 году в Кракове на латыни, а не на русинском языке, и был издан исключительно от имени Польши. В этом документе Казимир назван королем Польши и этот документ был заверен королевским канцлером, Якубом из Дембно (Якуб Дембинский) (Jakub from Dębno). Более того, в содержании документа подтверждалось присутствие ведущих польских сановников, четырнадцать из которых перечислены по именам и должностям. Список, как и положено, открывает архиепископ Гнезненский, за которым следуют епископы Краковский и Вроцлавский, пять палатинов², три кастеляна и другие высокопоставленные лица. Королевский посланник родом был не из Литвы, а происходил из семьи, поселившейся в польском Подолье. В документе, адресованном *могущественному владыке Менгли Гераю, Великому императору земли татар, нашему любимому брату* (*potenti domino Mengligerej, Magno Imperatori terre Thartharorum, fratri nostro dilecto*), Казимир сослался на недавно полученное от него письмо, в котором упоминалась клятва сохранять мир, данная ханом и его подданными. Со своей стороны король также пообещал сохранять мир от своего имени и от имени своих подданных³. В этот период дипломатические отношения между Кырк Ером и Краковом велись параллельно со связями между Кырк Ером и Вильнюсом. Вскоре после этого Менгли Герай отправил «*ярлык пожертвований*» («*жалованную грамоту*») (*donation yarlîq*) в Вильнюс, и в этом *ярлыке* Казимира называли великим князем Литовским. На *ярлык*, вероятно, был отправлен ответный

² Палатин Люблина Добеслав Кмита (Dobiesław Kmita) из Вишнич (Wiśnicz) ошибочно назван кастеляном.

³ См. Документ 3.

литовский документ, выпущенный в Вильнюсе на русинском языке, текст которого не сохранился. Трудно предположить, был ли пропавший документ торжественной мирной грамотой или обычным письмом. Хотя теоретически *ярлык* предоставлялся в одностороннем порядке, нельзя исключать вероятность, что уже в то время литовские правители отвечали на ярлыки документами мира (мирными грамотами).

Следующие два мирных документа были изданы в 1513 году. Сигизмунд и его советники решили, что новый мирный договор с Менгли Гераям должен быть скреплен двумя отдельными документами: одним, изданным на русинском языке от имени Литвы, и вторым на латыни от имени Польши. Оба документа были изданы в Вильнюсе, где временно размещался двор, и доставлены в Крым посланником Григорием Громыкой. На этот раз в обоих документах Сигизмунда называли королем Польши и Великим князем Литовским. Примечательно, что список его предков, повторяющийся в обоих документах, содержал не только имя его деда Владислава, отца Казимира и брата Александра, правившего в обоих государствах, но также Витовта и его брата Сигизмунда, никогда не правившего в Кракове, и, с другой стороны, Иоанна Альберта (John Albert), никогда не правившего в Вильнюсе. Оба документа содержали одинаковые политические положения, включая обязательство отправлять хану ежегодные дары: одну половину из Польши, а другую – из Литвы.

Единственным заметным различием, касавшимся обоих документов, было подтверждение документов. Документ на русинском языке был заверен большой королевской печатью Великого княжества Литовского, а также индивидуальной печатью каждого из двенадцати присутствующих членов Литовского совета: епископа Жемантийского⁴, литовского канцлера и палатина Вильнюсского, Миколая Радзивилла, и другими, в общей сложности документ подтверждался четырьмя палатинами, двумя кастелянами, *старостой* Жемантии (равный по иерархии палатину) и другими сановниками, в том числе Авраамом Эзофовичем (Абраам Эзафович – Abraham Ezofovuyś), знаменитым новообращенным евреем, поднявшимся до должности казначея земли. Документ на латыни был заверен печатью Польской Короны и только тремя индивидуальными печатями польских советников, чьи имена в дошедших до нас копиях документа не зафиксированы. Неравное число печатей, прикрепленных к двум документам, можно объяснить тем, что не так много польских вельмож сопровождали Сигизмунда во время его путешествий в Литву⁵.

⁴ Высшая католическая иерархия в Литве, епископ Вильнюсский Войцех Радзивилл, должно быть, отсутствовал; он упоминается в *шартнаме* Менгли Герая 1507 года и в королевском документе 1516 года; ср. документы 9 и 17.

⁵ См. Документы 10–11; о печатях см. Документ 10, № 9 и Документ 11, № 6.

Следующая пара королевских документов была отправлена из Вильнюса в 1516 году вместе с посольством Станислава Скиндера. Сигизмунд, таким образом, обменялся с посольством Крыма, которое привезло «дарственный *ярлык*, а также *шартнаме*» (ныне утерянный) нового хана Мехмеда Герая в Краков, а затем сопровождало короля в Вильнюс. В письме к хану, отправленному вместе с тем же посольством, Сигизмунд называл свои документы «два письма на пергаменте, с нашими большими вислыми королевскими печатями, одна Польской Короны, а другая Великого княжества Литовского»⁶. В настоящее время сохранился только литовский документ в копии, написанный на русинском языке. И по форме, и по содержанию он очень похож на документ 1513 года.

Этот документ был заверен большой королевской печатью Великого княжества, а также личными печатями десяти присутствующих членов Литовского совета: епископом Вильнюсским – Войцехом Радзивиллом, канцлером Литвы – Миколаем Радзивиллом, который заверил также и предыдущий документ, и другими высокопоставленными лицами, только двое из которых (включая будущего канцлера Альбрехта Гаштольда) не фигурировали в документе от 1513 года⁷.

Состояние гражданской войны, установившееся в Крыму после насильственной смерти Мехмеда Герая, не способствовало стабильным политическим отношениям. Польско-литовская дипломатия скорее попыталась извлечь выгоду из борьбы между Саадет и Ислам Гераями или даже организовать антикрымскую коалицию с участием ногаев и Шейх-Ахмеда, освобожденного из литовской тюрьмы в 1527 году. Новый этап отношений стал возможным благодаря приходу к власти Сахиб Герая и в 1533 году между его покровителем султаном Сулейманом и Сигизмундом был заключен «вечный мир». В 1535 году в ответ на крымское посольство во главе с Дивей мурзой литовская канцелярия в Вильнюсе выдала новый документ мира от имени короля Сигизмунда и его уже коронованного сына, Сигизмунда Августа (Sigismund Augustus). Документ, привезенный в Крым Василием Тышкевичем, очень напоминал изданные в 1513 и 1516 годах. Однако королевская сторона считала нового хана слабее его предшественников, и все еще уязвимым перед угрозой возможного восстания Ислам Герая. Поэтому они изменили несколько положений предыдущих докумен-

⁶ *dva lysty našy na pargamenex z našymy velykymy zavesystymy maistatnymy pečat'my, odyn Korony Polskoe a druhyj Velykoho Knz'stva Lytovskoho*; цитируется по Шабульдо Ф., «Ярлыки (докончания) Крымского хана Магмет Гирея на земли Южной Руси», (Šabul'do, «Jarlyki»), с. 259.

⁷ См. Документ 17.

тов, уменьшили стоимость ежегодно полагающихся подарков и отменили пункт, обязывавший короля помогать Гераям в борьбе с потомками Кучюк Мухаммеда. Новый документ также содержал обязательство хана взять на себя ответственность за набеги османских подданных, живших в причерноморских степях, и пожелание хану воздерживаться от отправки слишком многочисленных посольств, поскольку их пребывание влекло за собой значительные расходы королевской стороны. Сигизмунд торжественно подтвердил свой документ клятвой, принесенной на Евангелии в присутствии Дивей мурзы. В церемонии приняли участие члены Литовского совета, десять из которых перечислены в документе. Среди них были Ян, епископ Вильнюса и родной сын короля Сигизмунда, Альбрехт Гаштольд (Ольбрахт Гаштовт), канцлер Литвы, Юрий Радзивилл, кастелян Вильнюса и гетман, а также другие высокопоставленные лица. Однако, в отличие от документов 1513 и 1516 годов, их печати к документу не прилагались, документ был подтвержден только Сигизмундом с «печатью его величества на шнурке золотом» (*pečat'ju maestatnoju na šnjure zolotom – печать его величества на шнурке золотом*), используемой в Литовской канцелярии⁸.

Нет данных о том, что в 1535 году так же, как в 1513 и 1516, от имени Польской Короны на латыни был составлен отдельный документ. Такого рода документ служил бы только церемониальным целям, поскольку в дошедшем до нас, составленном на русинском языке, Сигизмунд упоминается как король Польши и Великий князь Литовский, и документ содержит пункты, представлявшие одинаковый интерес для обоих государств, включая равное финансовое участие Вильнюса и Кракова в отправке подарков к хану.

На протяжении длительного периода между 1535 и 1598 годами не известно ни об одном королевском документе о мире, адресованном крымскому хану⁹. Нельзя исключать существование таких документов, однако их тексты не сохранились. Тем не менее из дошедшей до нас переписки становится очевидным, что ханы ждали скорее королевских подарков, а не бумажных документов, отправленных королевской стороной. В понимании татар это была своевременная доставка ежегодного полагающегося подарка (или иначе *дани*), которая ожидалась в ответ на дары и привилегии, отраженные в ханских *ярлыках*.

⁸ См. Документ 26; на вопрос, является ли «(большая) печать» все еще используемой в Литовской канцелярии во время правления Сигизмунда, ср. Документ 10, № 9.

⁹ О предполагаемом, вероятно никогда не существовавшем документе Стефана Батория (Stephan Báthory) 1585 года, см. № 321 в Части I.

Практика обмена корреспонденцией с Крымом была возобновлена после заключения договора под Цецорой (the agreement of Țuțora) в 1595 году и его торжественного подтверждения османским *ахднаме* 1597 года. В 1598 году Сигизмунд III издал документ о мире, отправленный хану через королевского посланника Никодема Коссаковского. В нем король апеллировал к давней дружбе, восходящей к временам Менгли Герая и Сигизмунда I, и к недавней встрече в Цецоре Гази II Герая и польского гетмана и канцлера Яна Замойского. Фактически содержание документа представляло хана как ходатайствующего о мире, а короля – как удовлетворяющего эту просьбу после консультации со своими советниками. Более того, документ предполагал обязательство хана признать польские территориальные притязания на побережье Черного моря, не вмешиваться в управленческие дела Иеремия Могилы (Jeremy Movilă), пропольского правителя Молдавии, а также обеспечить военную помощь против любого врага королевства. Взамен королевская казна должна была отправлять подарки «так же, как это делал старый король Сигизмунд». Документ продемонстрировал осведомленность польской канцелярии в отношении особенностей государственного устройства ханства, в нем упоминались сыновья хана, братья, *мурзы, карачи, уланы*, беи и ногаи.

В заключение Сигизмунд III потребовал, чтобы хан ответил на документ аналогичным письмом-согласием, «написанным слово в слово» (*slowo od slowa napisany*).

Возрастающая роль Польши в становлении содружества с Литвой и, особенно, в отношениях с южными соседями, становится очевидной уже потому, что королевский документ 1598 года был издан в Варшаве, составлен на польском языке, скреплен печатью Польской Короны (*pieczęć naszą koronną przycisnąćemy kazali* – мы нажали нашу коронную печать), а его копия была зарегистрирована в Королевском реестре. Более того, в документе упоминались обязательства, взятые на себя королем со своей стороны и «со стороны лордов-сенаторов короны» (*od nas i Senatorów Panów Koronnych*), в то время как нет ни единого упоминания о королевских литовских советниках¹⁰. Литва фигурирует в документе даже в меньшей степени, нежели Швеция, ведь Сигизмунд III никогда не отказывался от своих притязаний на трон в Стокгольме. Документ, дошедший до хана в год свержения Сигизмунда Риксдагом (Riksdag – шведский парламент. – Прим. пер.) – в 1599 году, именовал отправителя не только королем Польши, но и

¹⁰ Правда в обиходе того периода прилагательное *коронный* могло в некоторых случаях относиться ко всему государству, а не только к Польской Короне (*Lat. Corona Regni Poloniae; Pol. Korona Polska-лат. Корона Королевства Польского; Пол. Корона Польши*), в отличие от Великого княжества Литовского.

«потомственным королем шведов, готов и вандалов» и был датирован одиннадцатым годом правления Сигизмунда III в Польше и пятым годом его правления в Швеции¹¹.

Коссаковский так и не добрался к хану, который на тот момент участвовал в военной кампании в Венгрии. Тем не менее, переписка велась между королевским посланником, ожидавшим в старой молдавской столице Сучаве (Suceava), и ханским военным лагерем. В результате, в 1599 году Гази II Герай издал документ мира, который был направлен в Польшу. Этот документ по форме и содержанию был очень похож на королевский документ 1598 года, создавалось впечатление, будто хану было безразлично, что он обещал. Например, он признал территориальные претензии Польши на черноморское побережье (*так в оригинале документа*). Он открыто признавал, что его документ не может принять надлежащую форму (вид), потому как ввиду проведения военной кампании в Венгрии у него отсутствовала большая печать (видимо, *нишан*), которая раньше скрепляла письма-соглашения, он не мог заверить документ своей печатью¹².

Около 1600 года Польша-Литва (Речь Посполитая) находилась на пике своего могущества, и ее влияние распространялось от Эстонии до Валахии, где гетман Замоиский возвел на престол Симеона Могилу, брата Иеремии.

Это объясняет, почему королевская канцелярия все еще была недовольна своим недавним соглашением с Гази II Гераем, хотя последний принял (по крайней мере, на бумаге) все предложения короля. В 1601 году в Крым было отправлено новое посольство во главе с Лаврином Пясецинским. Посланнику был предоставлен новый королевский документ, повторявший положения предыдущего (1598 года), но дополнительно оговаривавший, что хан должен признать правление Симеона Могилы в Валахии¹³.

К разочарованию польского двора, в своем новом документе Гази II Герай не только совершенно обошел вниманием новые притязания Польши относительно Валахии, но не принял также и притязаний на черноморское побережье, которые он ранее уже «признал». По форме и формулировке ханский документ, по сути, напоминал старые документы крымской канцелярии и менее зависел от польского документа, составленного в Венгрии (Hungary) в 1599 году. Судя по всему, на этот раз документ тщательно проверили служащие крымской канцелярии, чтобы престиж и права их правительства не пострадали.

¹¹ См. Документ 36.

¹² См. № 270 выше.

¹³ См. Документ 39.

Если польский двор не был в полной мере удовлетворен ханской грамотой 1599 года, которая была почти зеркальным повторением королевской грамоты 1598 года, то неудивительно, что Сигизмунд III открыто отверг ханскую грамоту 1601 года, которая существенно отличалась от новой королевской грамоты 1601 года. В 1602 году Пясечинский был вновь отправлен в Крым, имея целью вернуть ханский документ обратно и просить составить новый. Посланнику был предоставлен перевод текста королевского документа 1601 года, выполненного арабской графикой, чтобы крымская канцелярия могла составить соответствующий документ¹⁴. Тем не менее, королевский отказ принять ханский документ вызвал скандал, и Гази II Герай не был настроен выдать новый документ. Не желая провоцировать войну с татарами, королевский двор, наконец, решил отдать подарки, ранее приготовленные для хана, но никакие мирные документы не менялись до 1604 года, когда новое посольство в Крым привезло Гази II Герая новый документ. К сожалению королевской стороны, его политические положения повторяли пункты ханского акта 1601 года, поэтому документ был вновь отклонен, хотя польский двор вновь выразил желание заключить прочный мир. Соответственно, было подготовлено новое королевское посольство, которое возглавил Флориан Олешко, ему был предоставлен новый документ мира Сигизмунда III.

Документ, изданный в 1605 году, в очередной раз подтвердил статьи (пункты) королевских документов 1598 и 1601 годов, и хотя уточнялось, что в дальнейшем королевские подарки необходимо будет получать крымским посланникам в Каменце, а не доставлять за королевский счет по древнему долговому маршруту к днепровской переправе Тавань (Tavan'), как это было с ханскими документами 1601 и 1604 годов. Пясечинский также использовал новый маршрут при доставке даров в 1603 году, хотя проехал немного далее Каменца, а точнее – до Ясс. Небольшое изменение королевского документа 1601 года просматривается в формулировке пункта о союзе против Московии: в то время как в документе 1601 года упоминаются «древние короли польские и великие князья литовские», в документе от 1605 года речь идет уже лишь о «древних королях польских». Вероятно, кажущееся незначительным и несущественным, это изменение может вновь отражать указанное уменьшение роли Литвы на «ментальной карте» (в сознании / в представлении) правящей элиты Варшавы¹⁵. Согласно королевскому распоряжению, Олешко должен был добиться успеха там, где

¹⁴ См. № 347 в Части I.

¹⁵ См. Документ 42.

Пясечинский потерпел неудачу в 1602 году, а точнее, чтобы ханский документ был записан слово в слово в соответствии с королевским¹⁶.

Из-за похода татар на Польшу, предпринятого после получения известия о смерти могущественного гетмана Замойского, Олешко смог отправиться в путь лишь в 1607 году, но его миссия при этом прошла успешно. Гази II Герарай, наконец, согласился на королевские предложения и издал документ, в котором отражались королевские пожелания. Однако хан вскоре умер, и мирные переговоры пришлось начать заново. Преемники Гази Герая, Селямет и Джанибек Гераи, вскоре после своего вступления на престол немедленно отправили свои грамоты о мире, но их документы отличались от «образца» 1607 года, стоившего королевской стороне стольких лет неимоверных усилий, долгих переговоров. Неудивительно, что Сигизмунд III не дал новым ханам положительного ответа, а в последующие годы, характеризовавшиеся нарастанием взаимных противоречий, обострившихся во время польско-османской войны 1620–1621 годов, этот вопрос и вовсе стал неактуален. В более поздний период правления Сигизмунда III, как известно, в Крым не было отправлено ни единого королевского документа мира, хотя король получил документ о мире, составленный в 1624 году Мехмедом III Гераем в период непродолжительного сближения Варшавы и Бахчисарая.

Аналогичным образом, неизвестно, были ли изданы какие-либо документы о мире Владиславом IV, кроме одного известного исключения. Хотя король получил несколько *ахднаме* от ханов Джанибек Герая (1634 г.), Инает Герая (1635 г.), Бахадыр Герая (1637 и 1640 гг.) и Ислама III Герая и, вдобавок, два *ахднаме* от калги (1637 и 1640 гг.) и один от нуреддина (1640 г.), он лишь единожды ответил аналогичным документом, а именно – в 1637 году. При отправке письма-согласия (*list przymierny*) калге Ислам Гераю Владислав IV смог одновременно и помедлить с ответом хану, и даже задержать его посланника. Поддерживая хорошие отношения с калгой, король пытался выиграть время, прежде чем принять решение, посылать ли хану подарки или приготовиться к военному противостоянию. Фактически, в последние годы своего правления Владислав обдумывал полномасштабное вторжение в Крым, которое могло быть организовано Варшавой и Москвой и субсидироваться Венецией.

Лишь политическая и военная катастрофа 1648–1649 годов побудила польского короля издать документ мира, адресованный крымскому хану, вероятно впервые с 1605 года. В августе 1649 года в военном лагере под Зборовом Ян Казимир (John Casimir), брат и преемник Владислава, издал документ, содержащий условия мирных переговоров между польскими и

¹⁶ О посольстве Олешко см. Часть I.

татарскими полномочными представителями. Король обязался возобновить выплату обычно преподносимых подарков хану и восстановить давние вольности казачества при условии, что они вернутся под его власть. Со своей стороны, Ислам III Герай должен был вывести свои войска с территории королевских владений, причинив при этом «возможно меньше ущерба». Поскольку польские Ваза [Polish Vasas – польские короли династии Ваза. – Прим. пер.] все еще претендовали на наличие наследственных прав на шведский престол, королевский документ был датирован «в первый год нашего правления в Польше и второй год [нашего правления] в Швеции»¹⁷.

Вслед за относительным затишьем 1649 года вскоре последовала активизация военных действий, затем очередной польско-татарский мирный договор, заключенный в 1653 году в Жванце (Жванец). Переход казаков под власть царя, согласно договору, подписанному в Переяславе в январе 1654 года, способствовал основательному сближению Варшавы и Бахчисарая. В июле 1654 года переговоры о мире и военном союзе вели в Варшаве посланник хана Сулейман Ага и польские высокопоставленные лица, а затем была принесена присяга королю, сенаторам и татарскому посланнику. Затем Сулейман Ага в сопровождении польского посланника Мариуша Яскульского отбыл в Крым, последний вез с собой королевский документ мира. Документ, изданный и заверенный королем, в настоящее время сохранился в копии¹⁸. Он содержит уже согласованные статьи, а формулировки, его вводная и заключительная части аналогичны польским документам 1649 года. Польско-крымское взаимное сближение не было нарушено смертью Ислама III Герая в конце июня 1654 года. Его брат и преемник Мехмед IV Герай принял королевский документ, привезенный Яскульским (Jaskólski), и подтвердил союз официальным *ахднаме*, изданным в ноябре 1654 года. Интересно, что в *ахднаме* хана королевский документ, привезенный Яскульским, именуется тем же термином – «Ваш *ахднаме*» (*ahdnameñüz*)¹⁹.

¹⁷ См. Документ 59; Ян Казимир заявил о наследственных правах на шведский престол после смерти своего старшего брата Владислава, т. е. с мая 1648 года. Что касается польского престола, то здесь его правление началось с избрания его в ноябре 1648 года, а формально даже и позже, с коронации, проходившей в январе 1649 года. Две официальные копии королевского документа, хранящиеся в Королевских архивах, не содержат *расположение* и *данные* (*location and datatio*), которые сохранились в других экземплярах. Оригинал документа, заверенный королем и отправленный хану, вероятно, также был с королевской печатью.

¹⁸ См. Документ 61.

¹⁹ См. Документ 64.

Известно, что после 1654 года никаких документов о мире с польскими королями больше не составлялось. До конца правления Мехмеда IV Герая обе стороны считали мир 1654 года достаточной основой для политического и военного сотрудничества. Новый конфликт, возникший в 1666 году после свержения Мехмеда IV Герая, был лишь временно приглушен соглашением, достигнутым в 1667 году в Подгайцах. В последующие месяцы новый хан Адиль Герай тщетно ожидал обращения к нему со стороны польского короля и сейма, но сейм был сорван, и Ян Казимир отрекся от престола, так что ни обещанных подарков, ни ожидаемого королевского документа не поступило. Тем не менее, убедившись в мирных намерениях Варшавы, хан подтвердил мир своей клятвой и торжественным документом, изданным в апреле 1668 года²⁰. Однако в последующие годы Бахчисарай постоянно оказывался втянутым в орбиту новой северной политики Османской империи, инициированной визирем Кёпрюлю (Köprülü) и заключавшейся в расширении влияния Порты на Украину. Военный конфликт между Стамбулом и Варшавой, который должен был бы длиться с небольшими перерывами до 1699 года, делал невозможным мир между Варшавой и Бахчисараем, хотя менее формальные контакты поддерживались и ханы часто выступали посредниками между султаном и королем. Таким образом, официальных документов, подтверждающих мир с Крымом от имени польско-литовских правителей, очень мало.

В настоящее время сохранились лишь тексты 1472, 1513 годов (две версии), 1516, 1535, 1598, 1601, 1605, 1637 годов (на имя калги), 1649 и 1654. Кроме того, существование второй, ныне утерянной, латинской версии документа 1516 года подтверждается и другими источниками. Хронологическая неоднородность и недостаточное количество королевских документов, фактически гораздо более меньшее, чем количество документов, изданных ханами, ограничивают возможность делать какие-либо выводы.

Документы, изданные в Вильнюсе (от имени Литвы) в 1513, 1516 и 1535 годы, в настоящее время хранящиеся в копиях, внесенных в Книги Литовского реестра, были составлены на русинском языке и назывались аналогично *шартнаме* ханов – «письма-соглашения» (Ruth. *lyst dokončalnyj* – рус. *список окончательный*), «соглашения» (Ruth. *dokončen'e / dokončane* – рус. *завершено/завершенное*), или просто «буквы» (Ruth. *lyst / lyst'* – рус. *список/список*). Документы, изданные от имени Польши в 1472 и 1513 годах, были составлены на латыни. Первый, изданный в Кракове, не обозначается каким-либо конкретным термином, в то время как второй,

²⁰ См. Документ 69.

изданный в Вильнюсе²¹, именуется «манифестным письмом» (“manifest letter”) (Lat. *patentes literae* – лат. *патентные письма*). Этот латинский термин был также известен и в крымской канцелярии, возможно, заимствованный из польского документа: документ Менгли Герая в отношении Польши, составленный в 1514 году в ответ на *патентные письма* Сигизмунда 1513 года, в итальянской версии упоминается как *письмо-патент* (*lectra patente*).

Что касается четырех документов, изданных Сигизмундом III и Владиславом IV в 1598, 1601, 1605 и 1637 годах, они были составлены на польском и назывались «письма-соглашения» (pol. *list przemierny/list przemierny/list przumierny*) – (пол. буквально, *чрезвычайно/письмо чрезвычайно*), с термином, который также применяется в современном польском к *акхдаме*, издаваемым ханами и османскими султанами. Наконец, королевские документы 1649 и 1654 годов не именуются какими-либо конкретными терминами, тогда как договор между королем и ханом обозначают посредством польского заимствования из латыни: *pakta* (лат. *Pacta* – *соглашение*).

*Формулы присяги польско-литовских правителей
и полномочных представителей и письменные документы
полномочных представителей*

В XV и XVI веках правители династии Ягеллонов вместе со своими приближенными в присутствии крымских послов приносили торжественную клятву соблюдать мир, а литовские и польские послы, направляемые в Крым, от своего имени и от имени своих государей приносили подобные же присяги в присутствии хана. Однако тексты их не сохранились. Судя по всему, канцелярии в Вильнюсе и Кракове этого не сделали, не считали необходимым записывать стандартные, знакомые тексты, которые также использовались в дипломатических отношениях с другими посольствами. Мы можем предположить, что клятвы давались на Евангелии с именем Иисуса, а иногда даже и Девы Марии. Об этом свидетельствует письмо хана Саадет Герая, который в 1527 году насмешливо упрекал литовских панов –

²¹ Во время путешествий по Литве ягеллонским правителям помогали многие польские чиновники, включая служащих Королевской канцелярии; следовательно, нет ничего необычного в том, что документ, составленный на латыни от имени Польской Короны, был издан в Вильнюсе. По аналогии, документ, относящийся к переговорам с крымским посланником, составленный в Кракове в 1541 году, был выполнен на русинском языке и записан в книгах Литовской канцелярии; ср. Документ 29.

советников, что они нарушили свое слово, хотя и поклялись хранить мир «на Евангелии, Пророком Иисусом и его матерью Девой Марией» (*što este prysjahaly na evanhelii y na proroka Ezusa y matki eho panny Maryi, y to este ne zderžaly* – *што есте присяхалы на евангелии и на пророка Эзуса и матки эхо панни Марьи, й то есте не здержали*)²².

Единственная королевская присяга, сохранившаяся до настоящего времени полностью (*in extenso*), была принята в июле 1654 года Яном Казимиром. Король дал клятву соблюдать условия мира, заключенного в Варшаве с крымским посланником Сулейманом Ага. Присяга заканчивалась стандартной формулой: «Да поможет Господь Иисус и его Святое Евангелие!» (*Tak mi Panie Jesu dopomóż i Ewangelia jego święta!*)²³. Затем аналогичная присяга «Всемогущему Богу на святом Евангелие Господа Иисуса» (*Pani Bogu wszechmogącemu na świętą Pana Jesussa Ewangelię*) была произнесена членами Сената и другими высокопоставленными лицами Содружества, присутствовавшими на церемонии в королевском замке²⁴. В свою очередь, Сулейман Ага от имени хана поклялся соблюдать договор и был отправлен обратно в Крым в сопровождении польского посланника Мариуша Яскольского, которому был вручен королевский документ мира.

В результате переговоров в Подгайцах в 1667 году был составлен единый текст, согласованный с полномочными представителями обеих сторон. Он был записан в двух чистовых копиях на польском языке. Татары заверили свою копию печатями калги Кырым Герая и еще девяти крымских высокопоставленных лиц, находившихся в лагере, и передали его своим польским партнерам. Соглашение они также подтвердили клятвой, принятой в присутствии польского главнокомандующего гетмана Яна Собеского, который позже передал его подлинный текст в Королевский архив в Варшаве (об этой процедуре см. выше). Зеркальная копия согласованного документа, подтвержденная (заверенная) Собеским и восемью другими польскими полномочными представителями²⁵, была передана татарам, однако не сохранилась. Кроме того, польские переговорщики принесли присягу в присутствии своих крымских партнеров. Мы не знаем, записывали ли татары отдельно текст польской присяги и приложили ли они его к польскому

²² См. РГАДА. Ф. 389. № 7. С. 910.

²³ См. Документ 62.

²⁴ См. Документ 63; об этой церемонии см. также № 698 ниже, и об умиротворении 1654 г., ср. Часть I.

²⁵ Их имена, см. в документе 66, № 1; они были офицерами высшего ранга, присутствующими в лагере, некоторые из них – близкие доверенные лица Собеского.

документу, который взяли с собой в Бахчисарай, потому как документы из крымского архива не сохранились. Тем не менее, текст польской присяги польской стороной был записан, заверен собственноручной подписью Собеского и отправлен на хранение в Королевский архив. Текст с подлинной подписью Собеского сохранился в Варшаве. Сегодня это единственный сохранившийся документ, касающийся мира с Крымом, выданный польско-литовской стороной и который можно считать оригиналом.

Согласно сохранившемуся тексту, польские полномочные представители присягнули «Богу Единому и Святой Троице, пред Святой Девой и всеми святыми» (Panu Bogu w Trójcy Świętej Jedynemu, przed Naświętszą Panną i Wszystkimi Świętymi) от имени короля и Содружества, обязуясь соблюдать взаимосогласованные условия, зафиксированные в письменных документах. Их присяга содержала два дополнительных пункта, которые не были внесены в документ: обязательства не заключать долгосрочный мир с Москвой без ведома хана, не отправлять войска в Украину до того, как польско-литовский сейм подтвердит заключенное соглашение с Бахчисараем. Присяга завершалась призывом: «Да поможет нам Бог и Его Святые Страсти!» (Tak nam Panie Boże dopomóż i Męka Jego Święta)²⁶.

Немногочисленные тексты клятв, произнесенные представителями Польши–Литвы (королем (1654 г.), членами Сената (1654 г.) и комиссарами, уполномоченными вести переговоры в Подгайцах (1667 г.), сохранились на сегодняшний день, поскольку их тексты были записаны польской стороной и хранятся в польских архивах. Неясно, являются ли тексты королевских клятв, произнесенные во время торжественных аудиенций в Вильнюсе, Кракове и Варшаве, переданными крымским посланникам или, возможно, записаны ими по собственной инициативе. Точно так же, мы не знаем, были ли присяги польско-литовских посланников, произнесенные во время их аудиенций у ханов, записаны крымской канцелярией.

*Готовые формулы документов,
которые будут выдаваться крымским ханам*

В инструкциях королевским посланникам, направляемым в Крым, и иногда даже в текстах королевских документов (например, 1598 г.), встречаются типичные положения о том, что содержание будущего документа хана должно отражать «слово в слово» положения, предложенные и сформулированные королевской канцелярией.

²⁶ См. Документ 68.

Практика, согласно которой иностранные получатели составляли тексты запрашиваемых документов и просили ханов просто принять их и составить соответствующую грамоту, наглядно зафиксирована в крымско-московском дипломатическом обмене. В 1474 году московский посланник Иван Беклемишев (Beklemişev) был отправлен к Менгли Гераю с тремя проектными вариантами (*spisok*) будущего документа (*jarlyk doconçal'nyj*), которые Иван III ожидал от хана. Согласно инструкции, Беклемишев должен был просить хана издать документ соответственно проекту (*da prositi jarlyka dokonçal'nogo po spisku*) или хотя бы по одному из проектных вариантов. Первый из них был наиболее предпочтительным, но посланнику было предписано принять документ, который был сформулирован согласно второму или даже третьему варианту, наименее приемлемому для Москвы. Одновременно ему было предписано (приказано) отвергнуть любой документ, который бы отличался от предлагаемых версий²⁷.

В 1534 году литовскому послу Аникию Горностаю было вручена готовая формула, по которой хан должен был выдать свой документ мира (мирную грамоту). Сахиб Герай незамедлительно ответил взаимностью посольству Дивей мурзы, прибывшему в Краков, предоставив ему запрошенный документ. В письме королю хан заверил, что его документ был составлен в соответствии с копией, представленной королевской стороной²⁸. Тем не менее, королевская канцелярия обнаружила некоторое отклонение от своего проектного оригинала и ханский документ не был принят²⁹. Тем не менее, не имея никакого намерения вызвать гнев хана, польские высокопоставленные лица благосклонно приняли Дивей мурзу в Кракове и затем отправили его в Вильнюс, где он был принят королем. На обратном пути в Крым Дивей сопровождал очередной литовец – посланник Василий Тышкевич, который, как и его предшественник, предоставил готовую формулу документа, ожидаемую от хана, которая, вероятно, была идентична формуле, выданной Горностаю в 1534 году.

Формула 1535 года записана в Литовском реестре книг, ее текст сохранился. В формулировках документа обнаруживается поразительное сходство с «ярлыками-пожертвованиями», а также *шартнаме* 1517 года, приня-

²⁷ См. *Памятники дипломатических отношений, (Pamjatniki diplomaticheskix snošenij)*, том 1, с. 1-6; ср. Хорошкевич (Horoškevič), *Русь и Крым (Rus' i Krym)*, с. 126.

²⁸ См. № 229 в Части I.

²⁹ Текст королевского объяснения, сообщающего Дивею мурзе причины, по которой документ хана был отклонен, см. № 233 в Части I. К сожалению, и королевские формулы, и ханские документы 1534 года не сохранились, поэтому мы не можем проверить правдивость претензий обеих сторон.

тым Бахадыр Гераем под присягой в Черкассах в присутствии Альбрехта Гаштольда, назначенного в 1522 году на пост литовского канцлера. Документ Бахадыра он считал образцовым. Уже в 1532 году литовская канцелярия во главе с Гаштольдом заставила нового хана Ислам Герая подтвердить содержание *ярлыка* Бахадыра. В 1534 и 1535 годах Вильнюс, по-видимому, все еще рассматривал документ 1517 года как образец, хотя в него и были внесены незначительные поправки. Например, канцелярия Литвы включила Любеч в список городов, полагавшихся в качестве «подарка» Литве, хотя он никогда раньше не фигурировал в прежних *ярлыках*. На самом деле Любеч был единственной важной крепостью (цитаделью), отвоеванной у Московии в результате войны 1507–1508 годов, поэтому его включение в *ярлык* хана было необходимым для своего рода легитимизации приобретения. Вильнюс, по всей видимости, не смутил тот факт, что документ, составленный по инициативе канцелярии Литвы, представил короля Сигизмунда получателем ханского «дарения», обязывавшимся взамен доставлять в Крым ежегодные дары. Слова подтверждающей клятвы, звучавшей из уст хана «Клянусь Богом, [. . .] 124 000 пророков и нашим праведным пророком с.а.в. Мухаммедом Мустафой», заставляют нас почти забыть, что настоящий текст был составлен в Вильнюсе, а не в Кырк Ере³⁰.

В 1571 году королевскому посланнику Юрию Быковскому, направленному Сигизмундом Августом в Крым, королевской канцелярией была предоставлена еще одна готовая формула документа, ожидаемого от хана Девлет Герая. И точно так же в 1581 году Анджею Хоражиц (Andrzej Chorażyc), отправленному Стефаном Баторием (Stephan Báthory) к Мехмеду II Гераю, была выдана готовая формула ожидаемого ханом документа. К сожалению, ни одна из этих формул не сохранилась. В первом случае мы даже не знаем, издал ли хан желаемый документ. Во втором случае запрошенный документ, вероятно, был издан ханом, но не отправлен³¹.

³⁰ См. Документ 27; документы 1517, 1532 и 1535 годов сравнивались в Части I.

³¹ См. примечания 303 и 316 в Части I; выражение «из канцелярии Его Королевского Величества», обнаруженное в документе Быковского, относится скорее к литовскому, а не к польскому языку канцелярии, так как королевский документ посланнику был составлен на русинском и хранится в книгах Реестра Литвы. Аналогично и миссия Хоражиц (он же Хоружич Chorażyc (Хоруžuč) была, вероятно, подготовлена литовской канцелярией, поскольку посланник пребывал в должности литовского писца.

Следующая готовая формула, изданная королевской канцелярией и сохранившаяся до настоящего времени, относится к 1619 году. Она была составлена в период нарастания напряженности между Стамбулом и Варшавой, после того как Джанибек Герай потребовал, чтобы Сигизмунд III прислал ему причитающиеся просроченные подарки. Хан был уверен в поддержке со стороны Османской империи, поскольку недавно вернулся с персидского фронта, где оказывал помощь войскам Османской империи. Не колеблясь, Сигизмунд III отправил в Бахчисарай Флориана Олешко, ранее уже участвовавшего в подобной миссии в Крым в 1607 году, увенчавшейся успехом. Политическое содержание формулы, выданной Олешко в 1619 году, было аналогично королевским документам 1601 и 1605 годов, а также документу Гази II Герая, ставшего результатом успешно проведенных в 1607 году переговоров с Олешко. Текст формулы был должным образом обновлен, в частности были внесены имена нового хана и его калги, а также была расширена королевская *маркировка (intitulatio)*, которая теперь включала также Чернигов и Смоленск, недавнее отвоевание которых у Московии было подтверждено Деулинским (Дивилинским) (Deulino (Divilino) перемирием в январе 1619 года. Предлагаемый документ содержал и пресловутый пункт, в котором хан признавал территориальные претензии Польши на черноморское побережье. Читателя, знакомого с основными принципами Контрреформации, проникшей в Польшу-Литву в правление Сигизмунда III, чрезвычайно удивила бы формулировка документа, подготовленного в польской королевской канцелярии, согласно которому хан должен был принести присягу «именем единого Аллаха и Пророка Мухаммада». Даже арабская формула *Валлахи ве Биллахи ве Таллахи (vallahi ve billahi ve tallahi* «И Аллахом, с Аллахом и через Аллаха!») была правильно отображена в польском тексте как *валлахи ва биллахи ва таллаху (wollahi wo billahi wo ttalahi)*³². Служащий королевской канцелярии, подготовивший формулу, так усердно старался учитывать традиции татарского языкового стиля, что в тексте, составленном на польском языке, *старосту* Каменца называют беем Каменца (*bek kamieniecki*)³³.

Тем не менее, когда Олешко в 1620 году добрался до Крыма, польско-османская война уже была близка к завершению. Приглашенный присоединиться к османским войскам, хан не был настроен вести переговоры, и польского посланника задержали в Крыму почти на два года.

³² См. Документ 46.

³³ См. Документ 46, № 16; в следующей формуле 1622 года тот же титул повторяется в другой вариации написания и произношения (*beg kamieniecki*), тогда как термин *starosta* добавляется в скобках; см. документ 47, № bv.

После окончания войны и подписания в 1621 году Хотинского договора (the Treaty of Hotin) Олешко разрешили вернуться домой, а в 1622 году в Бахчисарай был отправлен новый посланник – поляк Кшиштоф Краузовский. Краузовскому была вновь предоставлена готовая формула ожидаемого документа от хана. Она содержала те же политические положения, что и формула, выданная Олешко, словно с 1619 года ничего не изменилось³⁴. Неудивительно, что Джанибек Герай проигнорировал королевскую просьбу и не выдал необходимого документа. Точно так же уже преемник Джанибека Герая Мехмед III Герай, взойшедший на престол во время пребывания Краузовского в Крыму, заверил посланника в своих мирных намерениях, но отправил его обратно ни с чем.

Подводя итог, следует отметить, что королевская канцелярия подготовила не менее шести готовых формул документов, запрашиваемых у ханов: в 1534, 1535, 1571, 1581, 1619 и 1622 годах. В настоящее время сохранились лишь три из них. В 1534 и 1581 годах ханы уверяли, что их документы соответствовали королевским формулам, но королевская сторона была не удовлетворена. Сомнительно, чтобы в 1535 и 1571 годах ханы вообще издавали требуемые документы. Кроме того, королевские посольства 1619 и 1622 годов не имели успеха и никаких документов не было издано вовсе. Таким образом, наши доказательства, полученные в результате изучения крымских отношений с Польшей–Литвой, опровергают мнение Бережкова, который подчеркивал пассивный характер крымской канцелярии и ее зависимость от зарубежных моделей, и ставят под сомнение его утверждение о том, что ханские документы обычно создавались на основе готовых проектов (rus. *obrazcovye spiski*), подготовленных в Москве³⁵. В случаях, рассмотренных выше, ханы корректировали либо открыто отвергали содержание предложенных черновиков. Кроме того, согласие следовать формуле, представленной другой стороной, не стоит рассматривать как доказательство слабости или неразвитости канцелярской традиции. Известно, что даже османы, обладавшие необходимыми достаточно сильными традициями канцелярии, издавали документы, сформулированные по образцам, предоставленным иностранными дворами³⁶.

³⁴ См. Документ 47.

³⁵ См. примечания 19–20 выше.

³⁶ См. Тот *ахднаме* Селима I, изданный в 1514 году на основе готовой формулы, предоставленной посольством Польши; Колодзейчик, *Османско-польские дипломатические отношения*, (*Kołodziejczyk, Ottoman-Polish Diplomatic Relations*), с. 115.

Включение «готовых формул» в эту книгу возможно покажется сомнительным, поскольку эти формулы не были окончательными документами мира, а всего лишь проектами, предназначенными для использования в переговорах, которые редко были успешными. Тем не менее, эти проекты отражали ожидания королевской стороны о том, как должен выглядеть ханский документ. Ожидая, что другая сторона согласится на его предложение, королевский двор не мог полностью отойти от традиций и составить документ, форма и содержание, которого были бы совершенно чужды его предполагаемому автору. Скорее, его формулировка основывалась на подлинных документах, изданных ранее ханами, хранившихся в королевских архивах, при этом она менялась с целью удовлетворения интересов получателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Dariusz Kolodziejczyk*. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. The Ottoman Empire and its Heritage. BRILL, LEIDEN/BOSTON, 2011. URL: https://shron1.chtyvo.org.ua/Kolodzeichyk_Dariiush/The_Crimean_Khanate_and_Poland-Lithuania_international_diplomacy_on_the_European_periphery_15th__en.pdf (дата обращения: 14.04.2025)

Сведения об авторе: Дариуш Колодзейчик – профессор, директор Института истории Варшавского университета; профессор Института истории Польской Академии наук, darkol@uw.edu.pl

Сведения о переводчиках: Сейтхалилова Лейля Сейтхалиловна – лаборант-исследователь Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); lilya_crimea@mail.ru

Алиева Арзы Юсуфовна – внештатный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); arzy.aliyeva.1985@mail.ru

**The Crimean Khanate and Poland-Lithuania.
International Diplomacy on the European Periphery
(15th–18th Century).
A Study of Peace Treaties Followed by Annotated
Documents. Ottoman Empire and its Heritage (2)***

Dariusz Kołodziejczyk

Abstract. This work is a translation from English of the Chapter 4 “The Polish and Lithuanian Instruments of Peace Addressed to the Khans” from the second part “A Study in the Crimean and Polish-Lithuanian diplomatics and diplomacy” of the scientific work “The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. The Ottoman Empire and its Heritage” (pp. 425–443). The book “Crimean Khanate and Poland-Lithuania” is the result of many years of research by the famous historian, director of the Institute of History of the University of Warsaw, professor of the Institute of History of the Polish Academy of Sciences Dariusz Kołodziejczyk, who studied the history of diplomatic relations between the Crimean Khanate and the Polish-Lithuanian Commonwealth from the 15th to the 18th centuries. The book contains many interesting facts, analyses and documents that illuminate different aspects of this complex and controversial cooperation. In Chapter 4 “The Polish and Lithuanian Instruments of Peace Addressed to the Khans” the author analyzes the form, content and significance of the documents that Poland-Lithuania sent to the Crimean khans as confirmation of peaceful relations. The author shows how these documents reflected the different stages of historical development of both sides, as well as how they influenced their mutual perception and respect. The author examines different types of documents such as letters, diplomatic accreditations, treaties, agreements, privileges, and letters of gift. The author also focuses on the visual aspects of documents such as language, handwriting, seals, signatures and ornaments. He shows how these documents reflected the complex relationship between the two states based on mutual dependence, conflict, and cooperation. The author also explores the way that Polish-Lithuanian side adapted its diplomacy to the traditions and demands of the Crimean Khanate, as well as how the Crimean khans perceived and interpreted these documents.

Keywords: Crimean Khanate, Poland-Lithuania, Crimean and royal chancelleries, documents of the peace, diplomacy, translations.

* Continuation. See the beginning in: Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. The Ottoman Empire and its Heritage. Trans. from English by Seitkhalilova L., Alieva A. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie = Crimean Historical Review*. 2024, vol. 11, no. 2, pp. 168–213. DOI: 10.22378/kio.2024.2.168-213 (In Russian).

For citation: Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. The Ottoman Empire and its Heritage (2). Trans. from English by Seitkhalilova L., Alieva A. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie* = *Crimean Historical Review*. 2025, vol. 12, no. 1, pp. 185–207. DOI: 10.22378/kio.2025.1.185-207 (In Russian)

REFERENCES

1. Dariusz Kołodziejczyk. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. The Ottoman Empire and its Heritage. BRILL, LEIDEN/BOSTON, 2011. URL: https://shron1.chtyvo.org.ua/Kolodzeichyk_Dariiush/The_Crimean_Khanate_and_Poland-Lithuania_international_diplomacy_on_the_European_periphery_15th__en.pdf (access date: 14.04.2025)

About the author: Dariusz Kołodziejczyk – Professor, Director of the Institute of History at the University of Warsaw; Professor, Institute of History of the Polish Academy of Sciences, darkol@uw.edu.pl

About the translators: Leilya S. Seitkhalilova – Laboratory assistant researcher of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); lilya_crimea@mail.ru

Arzy Yu. Alieva – Freelance employee of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); arzy.aliyeva.1985@mail.ru